УДК 165.24

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/111-119](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-3/111-119)

А.В. Катунин*

КОГНИТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ПОЗНАНИЯ

Проблематика познания является актуальной для философии уже не одно тысячелетие. Последние достижения в области когнитивной науки отчетливо показали, что процесс человеческого познания может протекать не только в области осознанного, но и неосознаваемо. В наши дни все неосознаваемые процессы получения, обработки и использования информации обобщают с помощью понятия «когнитивное бессознательное», которое становится одним из самых обсуждаемых в наши дни. В статье рассмотрены особенности концепций неосознаваемого познания. Автор обращается к исследованиям Ж. Пиаже, Г. Эббингауза, В.А. Снегирева, а также к работам в области современной психофизиологии и когнитивной психологии.

Ключевые слова: когнитивное бессознательное, познание, сознание, имплицитное научение, имплицитная память, эпистемология

The cognitive unconscious: on some aspects of unconscious cognition.
ALEXANDR V. KATUNIN (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The problems of cognition have been relevant in philosophy for ages. The latest achievements in the field of cognitive science have clearly shown that the process of human cognition could not only occur in the conscious but also unconsciously. Nowadays, all the unconscious processes of receiving, processing and applying of information are generalized under the concept of "cognitive unconscious", which becomes one of the most widely discussed concepts in cognitive science. The article examines several aspects and possibilities of unconscious cognition. The author focuses on the experiments and studies of J. Piaget, H. Ebbinghaus, V. Snegirev and the discoveries of modern psychophysiology and cognitive psychology.

Keywords: cognitive unconscious, cognition, consciousness, implicit learning, implicit memory, epistemology

* КАТУНИН Александр Викторович, младший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН.

E-mail: alexandrkatunin@gmail.com

© Катунин А.В., 2017

*Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.*

О. Мандельштам

Есть одна и только одна вещь во всей Вселенной, о которой мы знаем больше, чем могли бы узнать из наблюдений извне, – эта вещь – мы сами. Можно сказать, что мы обладаем внутренней информацией.

К.С. Льюис

Днем рождения когнитивной науки принято считать 11 сентября 1956 г., когда на симпозиуме в Массачусетском технологическом институте прозвучали доклады Дж. Миллера, Н. Хомского и А. Ньюэлла, которые обозначили когнитивную науку и ее предмет – познание [12, с. 3], рассматриваемое как совокупность процессов получения, обработки, использования информации, знаний об окружающем мире и формирования навыков человеческой жизнедеятельности. С тех пор количество дисциплин, включенных в когнитивные исследования, возросло, а их междисциплинарные взаимосвязи продолжают укрепляться и расширяться. Сегодня когнитивная наука – это серьезное направление, охватывающее ряд как научных (science), так и гуманитарных (humanities) дисциплин. Однако, несмотря на популярность данного направления и вовлеченность в него немалого количества исследователей, многие вопросы остаются открытыми и требуют уточнений. Для философии когнитивная наука предоставляет важные экспериментальные и аналитические данные, так как философские исследования сознания сегодня не могут оперировать исключительно теоретическими построениями, они опираются на данные когнитивной науки и позволяют философски формулировать новые вопросы, вводить новую проблематику исследований, а также находить другие ракурсы рассмотрения уже известных проблем. Более того, обращение к когнитивной науке с позиций эпистемологии неизбежно ввиду совпадения предметов их исследования – познания и сознания. На сегодняшний день одной из ведущих тем исследования когнитивной науки становятся сознание и неотъемлемо следующее с ним когнитивное бессознательное.

Известно, что в первую очередь исследователи фокусируются на моделях познания осознаваемых, напрямую связанных с сознанием. Однако многие векторы исследования сознательных стратегий обработки информации,

познания зашли в тупик или столкнулись с непреодолимыми сложностями (парадокс Китайской комнаты Серла или мысленный эксперимент Зенона Пылышина относительно природы носителя сознания и проч) [12, с. 8-9]. Вскоре стало ясно, что в познавательной деятельности важную роль играют не только сознательные, но и бессознательные процессы. Таким образом, внимание сфокусировалось на стратегиях и процессах познания, проходящих на неосознаваемом уровне, вне фокуса сознания, сумму которых принято сейчас называть собирательным понятием «когнитивное бессознательное».

Важно сделать акцент на том, что большое количество ученых из разных областей науки избрали проблему бессознательного предметом своих исследований. Междисциплинарность данного понятия послужила причиной наделения его рядом смыслов: от обыденного, содержанием которого является то, «что выше сознания (над – или сверх-сознание, интуиция, духовность) или ниже сознания (под-сознание, с которым имеют дело иногда художники, но чаще – врачи)» [2], до сложных трактовок в психиатрии, социологии, медицине и физиологии (состояние сна, комы, амнезии), юриспруденции (невменяемость, недееспособность) и др. В данной статье бессознательное будет рассматриваться исключительно в рамках когнитивной науки и трактоваться как сумма феноменов и процессов, сопряженных с переработкой информации на неосознаваемом уровне. Каким же образом мы можем получать, хранить и воспроизводить информацию без участия сознания и какую роль в этих процессах играет память?

Около пятидесяти лет назад А.М. Пятигорский в беседе с М.К. Мамардашвили высказал интересную мысль: «Мы могли бы сказать, что везде, где есть сознание (это не есть пример распознавания сознания), там есть память, но мы не можем сказать, что везде, где есть память, там есть сознание» [8]. За последнее столетие ученые далеко продвинулись в изучении сознания и процессов познания, но, тем не менее, специфика ряда процессов остается пока под покровом тайны, да и вопросов по мере изучения становится скорее больше, чем меньше. Когнитивное бессознательное объединяет в себе комплекс бессознательных процессов, направленных на получение, обработку использование информации на неосознаваемом уровне. Данные процессы в той или иной степени изучены психологами, философами, но единой позиции на этот счет в наши дни не существует. Из-

за подобного рода рассогласованности мнений дать точное определение термину «когнитивное бессознательное» также сложно, как и понятию «сознание» [7, с. 163-167]. «Ученые так и не смогли получить знание о том, что же является тем связующим элементом, который из разрозненных нейронов или даже их сетей создает то, что мы называем сознанием» [11, с. 786]. Сам термин был введен в научный оборот сравнительно недавно. В 1970-х гг. появляются работы Ж. Пиаже (1970) и американского профессора психологии Пола Розина (1976), в которых термин употребляется впервые [3, с. 10].

На данный момент не существует однозначного и точного определения феномена «когнитивное бессознательное», однако наиболее точно оно выражено проф. В.М. Аллахвердовым: «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» [3, с. 10].

В данной статье речь пойдет о процессах познания, преимущественно связанных с основной и, пожалуй, самой популярной формой проявления когнитивного бессознательного – имплицитным научением и имплицитной памятью. Память (эксплицитная) определяется как способность к осознанному запечатлению, сохранению и воспроизведению прошлого опыта. Однако имплицитная, скрытая память – это вид памяти, который работает с информацией, полученной в результате прошлого опыта, который не осознан человеком. Имплицитной памяти также свойственно сохранение и воспроизведение прошлого опыта, но только на неосознаваемом уровне – ниже порога психики. Имплицитное научение – «приобретение знания, которое совершается в значительной степени независимо от сознательных попыток что-либо заучивать и в значительной степени при отсутствии эксплицитного знания о том, что выучено» [1, с. 5], а также «способность использовать информацию в когнитивной деятельности без осознанного знания о наличии этой информации или в чем она состоит» [6, с. 166]. В результате неосознанного познания

происходит фиксация новых знаний и поведенческих моделей у человека, который, казалось бы, специально и осознанно ничему не учился.

Сразу важно отметить, что имплицитное научение и имплицитная память находятся в неразрывной связи друг с другом – имплицитное научение находится в прямой зависимости от запоминания (имплицитного) результатов прошлого опыта. И изменение *процесса* научения (как правило, в лучшую, более эффективную сторону, см. опыты Пиаже) [3] вносит коррективку в *состояние* имплицитной памяти. Результатом имплицитного научения, как правило, становится модификация поведения человека, а о памяти мы можем говорить как о сохранении этой модификации.

Рассмотрим некоторые первые опыты научной фиксации подобного неосознаваемого обучения в истории. Одним из первых ученых, предпринявших осознанную попытку изучить и систематизировать имплицитные формы познания, был немецкий экспериментальный психолог Герман Эббингауз. Отечественному читателю наиболее известны две его монографии: «Очерк психологии» и «О памяти», в каждой из которых он уделяет внимание получению, обработке, хранению информации, которая происходит вне области осознаваемого. Мировую известность Эббингауз получил благодаря эксперименту, условно называемому «бессмысленным запоминанием». Суть его заключалась в том, что испытуемым для заучивания предъявлялись карточки с трехбуквенными слогами из двух согласных и гласной посередине. Семантически эти слоги не несли никакого значения (например, «ВЫП», «ФЭР», «НЯП» и т.д.) и не вызывали никаких ассоциаций. Бессмысленные слоги были взяты для того, чтобы работе памяти не мешало мышление (в первую очередь ассоциативное) и эксперимент был лишен погрешностей. Карточки давались в случайном порядке и заучивались под звук метронома. Среди прочих результатов Эббингауз обратил внимание на то, что некоторое количество информации сохранялось подсознательно, поскольку, когда тот же испытуемый через установленное время пытался выучить тот же самый набор последовательностей, выяснилось, что для этого ему необходимо меньшее число повторений, меньшее количество времени. Тем самым подтверждается, что «...человек уверен, что он ничего не помнит, на самом деле он все же вполне может что-то хранить... в своей памяти. Даже когда наше сознание забывает, оно на самом

деле помнит что-то из забытого, помнит то, что как бы не помнит» [4, с. 117].

Более того, таким следам памяти свойственно сохраняться на протяжении достаточно долгого промежутка времени. Каждый может похвастаться тем, что в голове в тот или иной момент всплывают строки произведений, заученных еще в школьные годы. «...Я мог спустя более двадцати лет точно доказать следы от однократного заучивания стихотворения. Следовательно, для души не легко что-нибудь пропадает вполне, хотя возможность воспроизведения по собственному желанию теряется очень скоро» [14, с. 104]. Кто-то вслух читает первые строки стихотворения и оно как по волшебству возникает в сознании, хотя сами вы его могли не вспоминать десятилетиями.

Примерно в то же самое время, что и Эббингауз, факты неосознаваемой обработки и использования информации фиксирует отечественный психолог и философ, проф. В.А. Снегирев. Рассматривая сохранение подобной информации с ракурса нравственного, он полагает, что считать душевные возбуждения (он рассматривает память как удержание и сохранение в душе всех ее изменений) [10, с. 280] способными уничтожаться полностью – большое заблуждение. Так, например, большинство людей не обращают внимания на то, какие впечатления переживает человек в младенчестве, какие чувства формируются средой, а ведь все они «...возникают в нем с пробуждением сознания личности» [10, с. 284]. Также Снегирев фиксирует ряд многочисленных явлений, когда «...люди необразованные, всего чаще женщины, под влиянием нервной болезни, начинают произносить фразы на разных языках, им неизвестных, выражать чужие им идеи и понятия в формах, недоступных им в нормальном состоянии, языком ученым и т.п.» [10, с. 286]. Объясняется это законом сохранения психической энергии, чаще всего в случаях больных людей, но все же «...ничто, раз изменившее душу, ... не исчезает из нее, самые мельчайшие и так называемые бессознательные возбуждения со всею определенностью» [10, с. 286] проявляются наружу.

Наиболее ярко проявление имплицитной памяти и способность к имплицитному научению прослеживается у людей с нарушениями здоровья. Знаменитый британский нейрофизиолог Крис Фрит приводит несколько подобных случаев из своей практики. Он работал с человеком, который страдал сильной потерей памяти и которого он учил определенному моторному

навыку. С каждым разом результаты этого человека становились все лучше. Но потеря памяти прогрессировала настолько, что каждый день им приходилось знакомиться заново, а про задачу испытуемый вообще не слышал. Важно отметить, что у этого больного «...приобретенный ранее опыт явно оказывал долгосрочное влияние на мозг, потому что у него получалось день ото дня все успешнее выполнять поставленную задачу. Но эти долгосрочные изменения, происходящие в мозгу, не действовали на сознание. Он не мог вспомнить ничего из того, что происходило с ним вчера» [13, с. 53]. Этот пример показывает, что знаем мы гораздо больше, чем осознаем.

Еще более интересный пример связан с исследованием Мела Гудейла и Дэвида Милнера. У их пациентки D.F. в результате отравления угарным газом произошел сбой зрительной системы (в части, связанной с восприятием формы) – не удавалось узнавать объекты, потому что она не различала их форму, что означало практически полную слепоту. Когда экспериментатор предъявлял ей палочку, она не могла ответить, держит ли он ее горизонтально или вертикально. Однако, когда ей эту палочку протягивали, D.F. заранее поворачивала кисть руки таким образом, чтобы эту палочку было удобнее взять. «Мозг D.F. “знает”, под каким углом расположена палочка и может воспользоваться этой информацией, управляя движениями ее руки» [13, с. 54].

Не менее важно рассмотреть данный вопрос с позиций психофизиологии памяти. Если исследователи сто и более лет назад могли только строить гипотезы относительно имплицитного знания, то современные достижения в области науки и технологий (в частности – изобретение томографии) позволило совершить прорыв в психофизиологии и объяснять внутреннюю механику данных процессов. Как известно, одних знаний фактов мало, важно понимать внутренние механизмы, позволяющие эти факты констатировать. Известно, что ряд психологических законов в большинстве случаев не сводим к физиологии, равно как далеко не все законы физиологии проявляются в сознании. Тем не менее, учеными выявлен ряд взаимосвязей психических процессов и их отражения в физиологии мозга.

Рассмотрим механизмы памяти и процесса научения. В психофизиологии научение рассматривается как «последовательность сложных процессов, вовлекаемых в приобретение, хра-

нение и воспроизведение информации. В результате научения происходит модификация поведения, а память проявляется как сохранение этой модификации» [9, с. 99]. В процессе обучения на нейронах головного мозга происходят изменения, так называемые «следы». Такие «следы» памяти после научения называют энграммой. Существует несколько концепций рассмотрения проблемы памяти:

1. Концепция временной организации памяти, оперирующая понятиями кратковременной и долговременной памяти, а также рассматривающая динамику формирования и развития энграмм;
2. Концепция состояний памяти, рассматривающая память с позиций готовности воспроизведения энграммы из активной и пассивной формы;
3. Концепция распределенной памяти, анализирующая нейронный и молекулярный механизмы памяти, специфику консолидации;
4. Концепция информационного содержания памяти – соотношение декларативной (эксплицитной, осознаваемой) памяти и недеklarативной (имплицитной, неосознаваемой) [9, с. 99-112].

С позиций изучения феномена когнитивного бессознательного по-своему интересен каждый из подходов. В рамках первой концепции временной организации рассматриваются такие виды памяти как кратковременная и долгосрочная, которые различаются формами существования энграммы (формируемого следа памяти в процессе научения).

Кратковременная память физиологически подкрепляется процессом реверберации – прохождении электрической активности по замкнутым цепям нейронов: «При многократном действии одного и того же стимула происходит формирование замкнутого «клеточного ансамбля»» [9, с. 100], тем самым закрепляется энграмма. Если реверберация продолжается определенное количество времени, то в синапсах происходят биохимические и морфофункциональные изменения, которые позволяют говорить о процессе консолидации – более прочном физическом закреплении энграммы и формировании долгосрочной памяти. Интерес заключается в том, что формирование энграммы может происходить как на осознанном уровне, так и на неосознаваемом. Вопрос в том, будет ли процесс реверберации достаточно продолжителен для того, чтобы научение в результате консо-

лидации закрепилось в мозге: для разного рода информации необходимо несколько секунд или минут [9, с. 100]. Особенно важно подчеркнуть тот факт, что опыты с использованием метода экспериментальной ретроградной амнезии (разрушение энграммы электрошоком) не подтвердили тезис о полном физическом уничтожении следа. Экспериментальным путем было установлено, что при использовании методов напоминания и ознакомления память восстанавливалась. Эти методы доказывали, что причиной амнезии может быть временное подавление воспроизведения энграмм. Таким образом, бессознательное состояние вследствие амнезии может быть у человека временно. Информация хранится в мозге, но недоступна к осознанному воспроизведению.

Здесь общую картину дополнит вторая концепция – концепция состояний памяти, которая заключается в следующем: «Память выступает как единое свойство, поэтому ее невозможно разделить на кратковременную и долговременную, ... существует в активной форме, готовой к реализации в данный момент времени, и пассивной (или латентной), не готовой к непосредственному воспроизведению» [9, с. 102]. Когнитивное бессознательное напрямую связано с существованием пассивных энграмм в латентной форме, которые недоступны для реализации. Новые следы памяти могут поступать и в неактивном состоянии, это зависит от условий формирования энграмм. Данное свойство лежит в основе важного феномена – латентного (бессознательного) обучения [9, с. 102]. Сформированная (активная) энграмма существует на уровне электрических процессов и может быть блокирована в результате внешнего воздействия (например, электрошок). Современной наукой доказано, что в основании электрического процесса в мозге лежит «молекулярный субстрат» (биохимические и биофизические взаимодействия). Поэтому энграмма актуализируется при переводе молекулярного кода на уровень электрической активности, т.е. из бессознательного состояния в осознаваемое. Функция коммуникации между нейронами осуществляется благодаря их электрической активности. Амнестический электрошок, не затрагивая молекулярной основы следа, временно блокирует его воспроизведение, нарушая перевод молекулярного носителя на уровень электрической активности. О том, как происходит «оживление» следа при переходе из латентной формы в активную, известно мало.

Третья концепция (распределенной памяти) интересна тем, что память не локализована в каком-то конкретном участке мозга, она есть результат взаимодействия многих структур мозга, а след памяти реализуется разными мозговыми структурами и их частями. Опыты показали, что нервные клетки разных структур мозга вовлечены в процесс воспроизведения следа из памяти, причем временной отрезок после обучения может быть разным. Следовательно, след распределен по нервным клеткам, принадлежащим разным мозговым структурам, информация, хранящаяся в них, доступна для считывания через определенное время после фиксации. Качество следа обеспечивается через разное время после его создания разными нейронными системами.

Согласно результатам исследований последних 5-10 лет, кратковременная и долговременная память являются самостоятельными процессами. Осуществление их требует участия определенных систем мозга, способных взаимодействовать в течение микросекунд. Сопоставление активностей на синоптическом уровне показало, что «после обучения большая часть постсинаптических ответов достигает максимального значения спустя 30-40 минут после первой серии. Такие нейроны как бы демонстрируют латентное обучение. Менее 14% нейронов формируют следы, которые актуализируются сразу после обучения» [9, с. 106].

Как уже упоминалось, процесс консолидации закрепляет энграмму на физическом уровне, тем самым фиксируя информацию в памяти. Консолидация заключается в «развертывании молекулярного каскада и в морфологических изменениях, благодаря которым модификации в синапсах после обучения становятся стабильными» [9, с. 107]. Благодаря консолидации кора головного мозга изменяется постепенно, позволяя объединять различные факты внешнего воздействия.

Однако самый большой интерес с точки зрения рассмотрения когнитивного бессознательного представляет достаточно новая четвертая концепция – измерение памяти по содержанию сохраняемой информации. С точки зрения концепции информационного содержания памяти последняя делится на декларативную (эксплицитную) и недеklarативную (имплицитную). Это связано с разного рода содержанием информации, обрабатываемой человеком. Обработку такой информации можно условно разделить на запоминание (преимущественно

осознанный процесс) и усвоение (неосознаваемый процесс). И если запоминать мы можем любые лингвистически выраженные факты, то усвоение связано с определенного рода моторным научением – выработкой умений, привычек, навыков.

Недекларативная (имплицитная) память выражается в изменении деятельности человека, проходящем неосознаваемо. «Она хранит собрание неосознаваемых способностей к обучению, которые проявляются в умениях, навыках, формах обуславливания, привыкании. Примеры недеklarативной памяти включают способности к заучиванию зрительных категорий при помощи запоминания прототипа образца и облегчение способности детектировать и определять недавно встреченные стимулы» [9, с. 110]. Особую роль в процессе получения, обработки, использования информации на неосознаваемом уровне играет процедурная память (часть имплицитной), которая формирует специфику человеческих реакций и поведения, так называемое «знание о действии». Процедурная память – это сумма навыков, усвоенных человеком и выполняемых автоматически, среди которых – умение ездить на велосипеде, набирать текст слепым десятипальцевым методом, исполнение музыкального произведения «с листа». Если говорить о более ранних цивилизационных навыках – это умение стрелять из лука, скакать на коне или же управлять кораблем в шторм. Когда человек использует какое-то орудие, его мозг начинает воспринимать это орудие, контролировать его и управлять им как частью тела – рукой или ногой [13, с. 102-105]. В процессе эволюции процедурная память развивается раньше декларативной и основывается на «биохимических и биофизических изменениях, происходящих только в тех нервных сетях, которые непосредственно участвуют в усвоении нового материала» [9, с. 110-111]. В процедурную память также входит система знаний человека, включающая в себя базовые знания о мире, грамматику и пр.

О когнитивном бессознательном также можно говорить, рассматривая один из видов воспроизведения – воспоминание как извлечение из долговременной памяти образов прошлого, идеально локализуемых в пространстве и времени. Речь идет о непроизвольном (спонтанном) воспроизведении (возникновении) в сознании персеверировавших образов прошлого. Степень несовпадения воспоминания и прошлого события зависит от особенностей развития личности – ее

установок, целей, мотивов, значимости события для человека, а так же его давности. В одной из гипотез предполагается, что мозг хранит различные моменты воспоминания даже об одном предмете или явлении в разных местах, причем каждое понятие связано с областью мозга, которая специализируется на его восприятии. Таким образом, обычно вспоминаются детали события. О тонких механизмах воспроизведения известно немного. Известно, что воспоминания активируют области мозга, ответственные за обработку сенсорного опыта.

Ключевым вопросом является вопрос о влиянии имплицитной (недекларативной) памяти на воспроизведение. Узнавание частично может основываться на суждении о сходстве, определяемом имплицитной памятью, действующей относительно самостоятельно. При воспроизведении из семантической памяти активность мозга увеличивалась в задних кортикальных областях.

Проблема заключается в том, как информация, хранимая в разных системах (недекларативной или декларативной памяти), интегрируется таким образом, что может воспроизводиться и влиять на поведение человека. При этом ненужная информация не используется. Мозг сохраняет не память, а следы информации, которые используются для создания энграмм, т.е. следы хранятся, а память создается, причем не всегда правильно отражает картины прошлого реального опыта [9, с. 118]. Это в определенной степени подтверждает гипотезу о том, что основная функция сознания состоит в том, чтобы создавать догадки о правильных идеях, хранящихся в сфере неосознанного, сличая с ними свои догадки [3, с. 6-7]. Корректируя мысль Платона, авторы предполагают, что деятельность механизма сознания состоит в построении различных догадок об устройстве окружающего мира и их проверке. Если сознание перестает работать с информацией, то она перестает восприниматься, оставаясь неизменной, она ускользает.

Другой аспект изучения неосознаваемого познания – это прайминг, явление, связанное с качественным, эффективным изменением решения определенных задач, при условии предварительного предъявления информации, некоторым образом связанной с этой задачей, либо вероятность более быстрого воспроизведения полученной информации при попадании в те же условия, в которых был предъявлен прайм. Прайминг способствует сохранению информации, которая в дальнейшем облегчает вос-

приятие новой или воспроизведению прошлой информации. Прайминг обеспечивает влияние опыта из прошлого на действия, операции, решения в настоящем. Так, например, объекты, с которыми человек уже ознакомился ранее, идентифицируются быстрее и точнее, чем незнакомые. В качестве иллюстрации можно привести реакцию водителя на знаки дорожного движения. Находясь за рулем и передвигаясь по дорогам родной страны, опытный водитель не заостряет внимание на пролетающих мимо знаках. Он их видит, он на них реагирует, но происходит это не в фокусе внимания. Другое дело, если он окажется за границей. Содержательно похожие дорожные знаки в Европе имеют немного другое формальное исполнение в сравнении с, например, российскими. Водитель их видит, и они находятся уже в фокусе внимания, чтобы иметь возможность соотнести их с более привычными, знакомыми. Но после одно-двух дней путешествия восприятие европейских дорожных знаков снова доходит до автоматизма. Примерно таким же имплицитным образом происходит воспроизведение из семантической памяти (хранилища прочитанных текстов, сообщений, увиденных рекламных материалов и пр). Накопленное человечеством знание воспроизводится при отсутствии осознания событий прошлого по усвоению и знакомству с конкретными знаниями.

Известный отечественный когнитивный психолог Б.М. Величковский, анализируя специфику работы имплицитной памяти, приводит в пример задачу на дополнение фрагментов слова, например, «_р_к_ди_», чтобы получилось осмысленное слово. Если среди слов, с которыми работал испытуемый предварительно, попадалось слово «крокодил», то эта задача решалась быстрее, таким образом, прайминг можно определить как «облегчение решения задачи дополнения слова в результате его предварительного показа на стадии кодирования» [5, с. 362]. Но при этом Б.М. Величковский отмечает существенное отличие между имплицитной и эксплицитной ситуациями: «Во-первых, показатели прайминга и прямого воспроизведения не коррелируют друг с другом, что трудно объяснить в рамках предположения о существовании единого для них формата сохранения информации (следа памяти). Во-вторых, прайминг часто оказывается более стабильным показателем памяти, чем сознательное воспроизведение: он может сохраняться в течение более длительного времени и почти не меняться при варьировании

условий кодирования, радикально влияющих на уровень воспроизведения (таких, как отвлечение внимания)» [5, с. 362]. Более того, известны случаи, когда прайминг-эффекты фиксируются у людей с временной амнезией или же полной потерей памяти, в том числе связанной с возрастными изменениями психики.

Таким образом, мы видим, что на неосознаваемом уровне протекают процессы получения, обработки, усвоения и воспроизведения информации. Когнитивное бессознательное безусловно влияет не только на усвоение данных, но и на формирование навыков, привычек, форм реакции на то или иное событие. Предварительное неосознаваемое усвоение информации может качественно изменить решение определенных задач в более эффективную сторону, либо обеспечить более быструю реакцию на уже известную ситуацию. Это может быть важным в ряде профессий, сопряженных с риском и максимальной концентрацией, – водитель грузовика или же машинист локомотива, военный. Если же сознание по каким-то причинам дает сбой, когнитивное бессознательное может модифицировать поведение и реакции сообразно контексту сложившейся ситуации.

Более того необходимо уделять внимание тому, что человек познает неосознанно, в каком контексте он находится, поскольку именно неосознаваемое усвоение норм, правил, привычек, моделей поведения (особенно в раннем возрасте) того контекста, в котором он пребывает, может формировать его личность.

Из вышеописанного можно сделать вывод, что существуют две системы, деятельность которых ответственна за процесс познания. Одна – сознание, другая – когнитивное бессознательное. Являются ли эти системы полностью автономными друг от друга или же они работают на условиях некоторого взаимодействия и взаимоконтроля еще предстоит исследовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Reber, A., 1993. *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. Oxford: Oxford University Press.
2. Автономова Н.С. Бессознательное // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0400.html>
3. Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. №2. С. 10-20.

4. Аллахвердов В.М. Сознание и познавательные процессы // Психология / под ред. А.А. Крылова. М.: ПРОСПЕКТ, 1998.

5. Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х т. Т. 1. М.: Издательство Юрайт, 2017.

6. Крюкова А.П. Знание без осознания: опыт исследований имплицитного научения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 166-170.

7. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: URSS, 2001.

8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания. (краткое введение в учение виджнянавады) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/mamapg01/txt01.htm>

9. Психофизиология / Под ред. Ю.И. Александрова. СПб.: Питер, 2012.

10. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти и глумления Таисии, 2008.

11. Труфанова Е.О. Социально-конструкционистский подход к сознанию в контексте классической и современной философии // Философия и культура. 2016. №6. С. 785-796.

12. Фаликман М. Когнитивная наука: основоположения и перспективы // Логос. 2014. № 1. С. 1-18.

13. Фрит К. Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. Москва: Астрель; CORPUS, 2016.

14. Эббингауз Г. Очерк психологии. СПб: Издательство О. Богдановой, 1911.

REFERENCES

1. Reber, A., 1993. *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. Oxford: Oxford University Press.
2. Avtonomova, N.S., 2010. Bessoznatel'noe [The unconscious]. In: Novaya filosofskaya ehntsiklopediya. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0400.html> (in Russ.)
3. Allakhverdov, V.M., Voskresenskaya, E.Yu. and Naumenko, O.V., 2008. Soznanie i kognitivnoe bessoznatel'noe [Consciousness and the cognitive unconscious], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, no. 2, pp. 10-20. (in Russ.)
4. Allakhverdov, V.M., 1998. Soznanie i poznavatel'nye protsessy [Consciousness and cognitive processes]. In: Krylov, A.A. ed., 1998. Psikhologiya. Moskva: PROSPEKT. (in Russ.)
5. Velichkovskiy, B.M., 2017. Kognitivnaya nauka. Osnovy psikhologii poznaniya. V 2-kh t. T. 1 [Cognitive science. Fundamentals of psychology

of knowledge. In 2 volumes. Vol. 1]. Moskva: Izdatel'stvo Yurait. (in Russ.)

6. Kryukova, A.P., 2016. Znanie bez osoznaniya: opyt issledovaniy implitsitnogo naucheniya [Knowledge without awareness: the experience of exploring implicit learning], Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4, p. 166-170. (in Russ.)

7. Lektorskiy, V.A., 2001. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya. [Epistemology: classical and non-classical]. Moskva: URSS. (in Russ.)

8. Mamardashvili, M.K. and Pyatigorskiy, A.M. Tri besedy o metateorii soznaniya (kratkoe vvedenie v uchenie vidzhnyanavy) [Three conversations about the metatheory of consciousness (A brief introduction to the teachings of vijñānavāda)]. URL: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/mamapg01/txt01.htm> (in Russ.)

9. Aleksandrov, Yu.I. ed., 2012. Psikhofiziologiya [Psychophysiology]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

10. Snegiryov, V.A., 2008. Psikhologiya [Psychology]. Sankt-Peterbutg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii. (in Russ.)

11. Trufanova, E.O., 2016. Sotsial'no-konstruktsionistskiy podkhod k soznaniyu v kontekste klassicheskoi i sovremennoi filosofii [Socio-constructionist approach to consciousness in the context of classical and modern philosophy], Filosofiya i kul'tura, no. 6, pp. 785-796. (in Russ.)

12. Falikman, M., 2014. Kognitivnaya nauka: osnovopolozheniya i perspektivy [Cognitive science: foundations and perspectives], Logos, no. 1, pp. 1-18. (in Russ.)

13. Frit, K., 2016. Mozg i dusha: kak nervnaya deyatel'nost' formiruet nash vnutrenniy mir [Making up the mind. How the brain creates our mental world]. Moskva: Astrel'; CORPUS. (in Russ.)

14. Ebbingauz, G., 1911. Ocherk psikhologii [Essay on psychology]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo O. Bogdanovoy. (in Russ.)